

Русское слово в мировой культуре: материалы X конгр. Междунар. ассоц. преподавателей рус. яз. и лит., Санкт-Петербург 30 июня – 5 июля 2003 г. : в 4 т. / Совет по рус. яз. при Правительстве РФ ; под ред.: Н.О. Рогожиной [и др.]. – СПб., 2003. – Т. 1 : Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. – С. 23–33.

**КУЛЬТУРОГЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО:
СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ**
Гурская Ю.А.

*Белорусский государственный педагогический университет имени максима Танка,
Беларусь*

Имя собственное как одна из универсалий языка и культуры выполняет функцию хранения и трансляции традиций, истории, культуры народа, в силу чего является сложным языковым знаком. Во многих индоевропейских языках этимологически имя означает познание, выделение объекта путем его отмены, наложения знака [1].

Отношение к имени как к особому языковому знаку имеет давние традиции, получившие развитие во многих лингвистических учениях мира. Как известно, еще в недрах разных школ античной философии обсуждался важнейший вопрос о происхождении имен – откуда они берутся, как связаны с обозначаемым предметом действительности. В этой связи заслуживает внимания существующая с давних пор гипотеза, согласно которой личные имена представляют собой предельные текстовые сообщения, обладающие воздействующей силой и способные к предикации качеств.

Как особый класс слов имена собственные впервые были выделены стоиками (Хрисипп – ок. 211-205 гг до н.э.), что находит отражение и в исследованиях ученых различных школ и направлений XIX века – А.Гардинера, Б.Рассела, О.Есперсена, Е.Куриловича, С.Д.Кацнельсона, Р.Барта и др. В настоящее время на различных международных конференциях все чаще звучит мысль о том, что личное имя является особым языковым знаком, в силу чего часть лингвистов предлагает имена людей и живых существ не включать в часть речи ‘имя существительное’, считая их особым классом слов в языке.

Как уже неоднократно отмечали исследователи, особое место имен собственных в языке и культуре достигается прежде всего через присущее им неограниченное потенциальное коннотативное значение, реализация которого возможна на фонетическом, морфологическом, лексическом, ономастическом уровнях и зависит от видения (точки зрения) воспринимающего/использующего это имя индивида.

Некоторые ученые, например Л.В. Белая, рассматривают антропонимы как особого рода фреймы (по М. Минскому), содержащие не только языковую, но и “фоновую (национальную, культурную, социальную, историческую и т.п.) информацию, являющуюся одним из способов представления стереотипной языковой ситуации”. В силу этого, как отмечают исследователи, основной вопрос, который ставит сегодня ономастика, это не только вопрос о том, как образованы имена разных типов, объектов, явлений, но также почему именно так и о чем они свидетельствуют [2].

Таким образом, наметившаяся в последнее время тенденция понимания антропонимов как особых языковых знаков, содержащих национально-культурную информацию, создает предпосылки для изучения их с точки зрения когнитивных аспектов лингвистики, в контексте широкого и сложного вопроса о закрепленной в них культурной картине мира.

Особую значимость имеет анализ ключевых имен культуры, под которыми мы понимаем уникальные, показательные для отдельной культуры ономастические единицы,

особый тип словесных знаков, способных аккумулировать культурную информацию и функционировать как свернутые диахронические национально-культурные тексты.

Мысль, что культуры можно интерпретировать через посредство ключевых слов, кодирующих культурно-значимые концепты, высказывалась еще такими мыслителями, как Дж.Локк, Г.Лейбниц. Наиболее глубокое выражение эта точка зрения получила в немецкой философской традиции, в частности, в работах В. фон Гумбольдта, с именем которого многие когнитивисты связывают начало серьезного когнитивного подхода к языку. В XX веке сходные взгляды высказывали Э.Сепир, Б.Уорф, Э. Бенвенист и др.

В настоящее время семантический анализ ключевых слов как метод изучения культуры становится все более популярным. Наиболее глубоко эта точка зрения была осмыслена в работах А.Вежбицкой, которая внесла значительный вклад в ее теоретическое обоснование. Согласно А.Вежбицкой, «культурные модели могут быть подвергнуты... исследованию с помощью лингвистической семантики, основанной на эмпирически установленных языковых и концептуальных универсалиях». При этом ключевые слова культуры «могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры. Тщательно исследуя эти центральные точки, мы, возможно, будем в состоянии продемонстрировать общие организационные принципы, придающие структуру и связность культурной среды в целом и часто имеющие объяснительную силу, которая распространяется на ряд областей» [3].

Не менее значимы в свете данной проблемы и ключевые имена культуры, так как, по образному выражению В.Соловьева, история духовной культуры вся держится собственными именами. Личное имя характеризуется особыми культурогенными возможностями, о чем писали А.Ф. Лосев, С.Н.Фулдаков, П.А. Флоренский.

По классическому семиотическому треугольнику Ч.Морриса, имя как сложный языковой знак может быть рассмотрено на трех различных уровнях: 1) с точки зрения семантики, т. е. отношения знака к объекту; 2) с точки зрения синтактики, т.е. отношения знаков к другим знакам; 3) с точки зрения прагматики, т.е. отношения знака к тому, кто его использует.

С точки зрения семантики у личного имени особое отношение к денотату, т.к. еще по древним представлениям считалось, что имя связано с сущностью именуемого. В свою очередь, носители имен оставляют определенный след в истории, олицетворяя какую-либо идею, и тогда имя может стать символом этноса, страны, свернутым культурным текстом, функционирующим часто отдельно от своего исторического носителя. Как указывают исследователи, одного имени часто оказывается достаточно для того, чтобы породить ряд ассоциаций историко-культурного, литературного или философского плана. Такое имя становится «именем «содержания»» (С. Аверинцев).

«Каждая страна, -- отмечал Н.Рерих, -- у сердца своего бережет имена, ведущие ее к Свету». Эти имена представляют собой конденсированный метатекст, являются олицетворением духовных потенций народа, мощным фактором консолидации на разных этапах этнокультурного процесса, а в период этнического упадка становятся катализатором преодоления кризиса [4] (для русских – *Сергий Радонежский*, для белорусов – *Франциск Скорина*, *Всеслав Полоцкий*, *Лев Сапега* и др.). При этом часть таких имен являются значимыми не только для собственного народа, страны, региона, но и для общемировой культуры, науки и т.п., другие имеют исключительно национальные коннотации. Отдельные ключевые имена проецируются одновременно на несколько культур, находятся на пересечении семантических полей разных национальных культур (*Симеон Полоцкий*, *Кирилл Туровский* – восточно-славянская культура). С дешифровки семиотически значимых для социума имен собственных, по В.Н. Топорову, начинается установление контактов с другими языковыми коллективами.

Таким образом, анализ ключевых имен культуры как особых типов языковых знаков позволяет уточнить культурно-языковую типологию данных типов онимов, а также реконструировать определенный фрагмент национальной картины мира. Исследование

этого участка языковой картины мира помогает понять, что явилось важным с той или иной точки зрения для носителей языка данного общества при символическом отборе, уходящем корнями, по-видимому, вглубь коллективного бессознательного.

Вокруг ключевого для национального самосознания имени создаются разные типы текстов (научные, энциклопедические, поэтические, публицистические, национально-ориентированные и др.), которые значительно расширяют его культурный фон. Особый интерес вызывает концептуализация ключевых имен культуры творческими личностями, поскольку она “может влиять не только на национальную картину мира, но, в отдельных случаях, и на общечеловеческую” [5]. При этом сам антропоним получает новое развитие, насыщается разнообразными текстовыми коннотациями, включаясь в отношения с другими знаками (на уровне синтактики), что можно рассматривать как реализацию одного из важнейших свойств знака – способность порождать новое знание (Ч.Пирс). Под влиянием контекста имя собственное может приобретать понятийное содержание, не присущее обычно онимам. Такие представления о способности слова порождать новые смыслы коррелирует с идеями В.Гумбольдта о всеобщем языкотворческом начале в человеке, “о постоянной работе духа в таком направлении ... и в такой форме, которые определены языком”.

Являясь знаками, символами национальной культуры, ключевые имена репрезентируют когнитивный уровень языковой личности. Это подтверждается и социологическими исследованиями, дважды проведенными нами в 1995 и 2002 годах среди молодой белорусской интеллигенции с целью выявления ключевых имен русской культуры, а также связанных с ними ассоциаций, языковых стереотипов [6].

Как показывает ассоциативный эксперимент, среди первых десяти ключевых имен русской культуры названы прежде всего те, с которыми респонденты связывают начало преобразований, реформ в России в культурной, научной, государственной и других областях, а также ассоциируют вхождение русской нации в европейскую культуру: *А. Пушкин* – 99 % опрошенных; *Петр Первый* – 60 %; *Михайло Ломоносов* – 38 % .

Характерно, что перечисленные имена, занимающие первые три позиции по результатам ассоциативного эксперимента, выделены были еще П. Чаадаевым как особо значимые для русского самосознания. Можно ли “опечалиться хотя бы на минуту за судьбу народа, из недр которого вышли могучая натура Петра Великого, всеобъемлющий ум Ломоносова и грациознейший Пушкин”, -- писал П.Чаадаев [7]. Эти имена как бы замыкали собой некое идеальное культурное пространство, в котором комфортно и гармонично располагались знаменитые деятели, известные своими заслугами в области государственного управления, науки, культуры и т.д. [8]. Проанализированный материал свидетельствует о высоком уровне сакрализации этих имен в национальном сознании.

Как показало исследование, в основе “русского” макротекста, полученного в результате ассоциативного эксперимента, отчетливо выявляется семантическая оппозиция: имена поэтов – имена царей (либо их антиподов, разрушителей), на что указывают и имена русских поэтов XX века, названные в результате эксперимента (А.Ахматова, С.Есенин, М.Цветаева, И.Бродский и др.).

В докладе будет представлен анализ доминантного в концептосфере русского языка имени *Петр Первый* на материале разных типов текстов. Выбор для исследования данного имени обусловлен несколькими причинами. Во-первых, оно является ключевым для русского национального самосознания, обладает огромными национально-культурными коннотациями. Как показывает материал, образ *Петра* стремительно мифологизировался еще при жизни, закрепился в мифах, легендах, преданиях и т.п. Показательно также проникновение образа *Петра* в белорусский фольклор, что свидетельствует о включенности имени в диалог культур на уровне диахронии. Начиная с XVIII века это имя порождает огромное количество разных типов текстов, осваивается поэтами, историками, философами как на уровне когнитивного, так и языкового сознания. При этом имя *Петра* тесно связано с *Петербургом* – одним из наиболее значимых в для

русского национального сознания городов. С другой стороны, как показало исследование, это имя присутствует в когнитивной системе большинства представителей как русской, так и белорусской культур, образует стандартную ментальную схему, обладающую высокой степенью активности. В третьих, рассматриваемое имя вошло в кодифицированный язык, употребляется в составе устойчивых сочетаний, активно используется в современной публицистике. Таким образом, можно утверждать, что с точки зрения национального самосознания это имя является свернутым диахроническим национально-культурным текстом. Образ *Петра Первого* наиболее глубокую концептуализацию получил в прецедентных текстах русской литературы. Частично он отражен в свободном ассоциативном эксперименте, что позволило выявить и проанализировать типичные для него фреймы, характерные черты, а также другие ключевые имена, связанные в русском национальном сознании с рассматриваемым именем.

Литература

1. П.А. Флоренский. Имеславие как философская предпосылка// Вопросы философии (Из истории отечественной мысли). – М., 1990. С. 308 – 314.
2. E. Jędrejko. Systemy onimiczne różnych języków a językowe obrazy świata: w stronę porównawczej onomastyki kulturowej // Onomastyka. Rocznik XLV. Kraków, 2000. S. 5.
3. А.Вежбицка. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. С. 284.
4. І. Вуглік. Імя – міф – этнакультурны сімвал// Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы II международной научной конференции 7-9 апреля 1999 г. – Мн., 1999. – Ч.1. С. 93.
5. С.М. Прохорова. Национально-культурный компонент и когнитивная лингвистика // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы II международной научной конференции 7-9 апреля 1999 г. – Мн., 1999. – Ч.1.С. 4.
6. Ю.А. Гурская. Ключевые имена национальных культур как свернутые диахронические национально-культурные тексты// Язык и культура. Материалы IV международной научной конференции. – Киев, 1996. – Ч.1.С.93.
7. П. Чаадаев. Сочинения. – М., 1989. С.152.
8. М.Я. Билинкис. Спор о перелетстве, или основания мифа// Имя – сюжет – миф.— Санкт-Петербург, 1996. С. 12.
9. Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1988. Том 2.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ